

Prokurova, Natal'ja Sergejevna

**Не сотвори зла : ("Приражение дьявола в Братьях
Карамазовых Ф.М. Достоевского)**

Opera Slavica. 2003, vol. 13, iss. 3, pp. 11-18

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117564>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

НЕ СОТВОРИ ЗЛА

(„Приражение дьявола“ в *Братьях Карамазовых* Ф. М. Достоевского)

Наталья Прокурова (волгоград)

Уже после окончания романа *Братья Карамазовы* Достоевский получает письмо из г. Юрьева-Польского от врача А. Ф. Благоднарова, который, высоко оценив роман, восторженно отзываясь об изображении психических состояний человека. «Едва ли кому-либо, кроме вас, суждено так ярко и так глубоко анализировать душу человека во время различных ее состояний – изображение же галлюцинации, происшедшей с И. Ф. Карамзиновым вследствие сильной душевной напряженности, создано так естественно, так поразительно верно, что, перечитывая несколько раз это место вашего романа, приходишь в восхищение. Об этом обстоятельстве я могу судить поболее других, потому что я медик.»¹

Знаменательно, что во многих своих романах Достоевский обращает внимание на патологическое состояние души человека (чаще всего разуверившегося или преступившего – Раскольников, Свидригайлов, Иван Карамазов, Ставрогин и т.д.), на его нервное расстройство, выражающееся в иллюзиях и в галлюцинациях В. В. Аксюциц справедливо считает, что «черт – порождение тьмы самого Ивана Карамазова»²: «Ты – ложь, ты болезнь моя, ты призрак... Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны, моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых».³

«Испущенный человеком злой дух обретает собственную волю и самостоятельное существование, – отмечает В. В. Аксюциц. – Он паразитически вбирает душевную энергию создателя, ослабляя его благие импульсы и провоцируя темные стремления. *Инфернальный двойник* являет собой предельное развитие тех тенденций в душе человека, которые его произвели. Злой дух покидает мировую плоть и может предстать перед человеком в *индивидуализированном облике*. Призрак материализуется, с ним приходится сталкиваться не только в области душевных переживаний. Иван Карамазов вскакивает, чтобы

¹ Литературное наследство. По роману «Преступление и наказание». Москва 1973, т. 86, с. 490.

² Аксюциц, В. В.: Метафизика зла у Достоевского. С. 177.

³ Достоевский, Ф. М.: Полное собрание сочинений в 30 т. Ленинград 1972, т 15, с. 72. Далее все ссылки на сочинения Ф. М. Достоевского по этому изданию с указанием тома и страницы.

избить своего *приживальщика*, надавать ему пинков, запускает в него стаканом».⁴

Черт в романе *Братья Карамазовы* – это раздвоенное сознание героя, его болезнь, которая является следствием богоборчества и неверия.

Черт, этот постоянный приживальщик в душе Ивана, руководит его поступками и определяет все поведение.

О дьявольской одержимости Ивана, его зависимости от чужой воли свидетельствуют его взаимоотношения со Смердяковым. Лакей Смердяков, несомненно, водит дружбу с самим дьяволом, о чем свидетельствует его космополитизм и патологическая ненависть к России, ее защитникам («...Я всю Россию ненавижу. В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки» (14, 205). И такое явление нравственного уродства сумел предвидеть Достоевский: гнусные мысли Смердякова перекликаются с тайными желаниями современных российских смердяковых, сожалеющий нынче о том, что Гитлер не завоевал Россию в войне 1941–1945 годов. Кроме этого, Смердяков еще хриstopродавец: он не видит греха в том, если б и отказаться ... от Христова имени и от собственного крещения своего, чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел» (14, 117). «Добрые дела», надо полагать, являются лицемерным прикрытием безбожной и лакейской души Смердякова.

Иван Карамазов испытывает ненависть к Смердякову, как к своему «второму, низшему 'я'».⁵

При виде Смердякова Иван внезапно осознает, «что и в душе его сидел лакей Смердяков и что именно этого-то человека и не может вынести его душа» (14, 242). Тут же Иван вспоминает, как еще во время разговора с Алешей о Смердякове «что-то мрачное и противное вдруг вонзилось в сердце его и вызвало в нем тотчас ответную злобу» (14, 242). Ивану хочется сказать Смердякову: «Прочь, негодяй, какая я тебе компания, дурак!» (14, 244) и пройти мимо, но, к его собственному удивлению, он тихо и смиренно произносит совсем другое: «Что батюшка, спит или проснулся?» (14, 244). И совсем неожиданно для себя Иван садится на скамейку рядом со Смердяковым. При этом «на мгновение ему стало чуть не страшно» (14, 244).

О «приражении дьявола» к темным пятнам души Ивана Карамазова свидетельствует и «странное замечанье», промелькнувшее в «печальном и скорбном» уме Алеши при расставании с Иваном, который советует ему: «ну, иди теперь к твоему Pater Seraphicus, ведь он умирает; умрет без тебя, так еще, пожалуй, на меня рассердишься, что я тебя задержал» (14, 240–241).

⁴ Аксютин, В. В.: *Метафизика зла у Достоевского*. С. 177.

⁵ Бердяев, Н. А.: *Мирозозерцание Достоевского*. В: Бердяев, Н. А.: *Философия творчества, культуры, искусства*. Москва 1994, с. 68.

Иван уходит, а Алеша вдруг впервые замечает, «что брат Иван идет как-то раскачиваясь и что у него правое плечо, если сзади глядеть, кажется ниже левого» (14, 241). Алеше становится страшно, он поворачивается и бежит к монастырю. «Pater Seraphicus» – это имя откуда-то он взял – откуда? – промелькнуло у Алеши, – Иван, бедный Иван, и когда же я теперь тебя увижу... Вот и скит, господи! Да, да, это он это Pater Seraphicus, он спасет меня ... от него и навеки» (14, 241).

Бесспорно, Алеша хочет спастись, здесь не от Ивана, а от самого дьявола, принявшего обличье брата. В связи с тем, что у Ивана «правое плечо кажется ниже левого», В. Е. Ветловская замечает, что «правая нога Ивана должна быть несколько короче»⁶ (Вспомним, что в народе бытует представление о черте как о «хромом, кривом, косом»).

«На это же, вероятно, здесь намекает и «Pater Seraphicus»», – продолжает Ветловская. – Pater Seraphicus (серафический, ангелоподобный отец) появляется в *Фаусте* Гете, книге, упоминаемой Достоевским в черновиках к *Братьям Карамазовым* и в окончательном тексте романа. Возможно, напоминание о *Фаусте* должно было вызвать ассоциации, косвенно связывающие Ивана (с его странным правым плечом) и Мефистофеля».⁷

Зная о том, что Ивана «водит» черт (по его собственному свидетельству), что именно он «подпустил ... неверия» Ивану, можно объяснить причину злобной агрессии героя в сцене, когда он «отпихнул в грудь Максимова», который пытался сесть в коляску, и который своим поведением («И я, и я с вами! – вскрикивал он подпрыгивая, смеясь мелким веселым смешком, с блаженством в лице...» (14, 18), вероятно, напоминал Ивану ненавистного ему черта.

Эта же ситуация повторяется во время суда Дмитрия. Иван дает показания, при этом состояние его граничит с безумием и речь его постепенно утрачивает смысл. К нему на помощь бросается Алеша, но судебный пристав же хватается Ивана за руку. Реакция героя совершенно неадекватна: «Это что еще такое? – вскричал тот (Иван. – Н. П.), вглядываясь в упор в лицо пристава, и вдруг схватив его за плечи, яростно ударил об пол. Но стража, уже подросла, его схватили, и тут он завопил неистовым воплем. И все время пока его уносили, он вопил и выкрикивал что-то незвязное» (15, 118).

Из Деяний апостолов (гл. 8, ст. 5-7) известно, что «нечистые духи из многих одержимых ими, выходили с великим воплем», поэтому и вопли Ивана – это вопли бесноватого человека.

В романе Иван постоянно шутит, смеется, усмехается, говорит «нарочно» – эти свойства он унаследовал от своего отца Федора Павловича Карамазова, на которого он, по словам Смердякова, похож больше других сыновей.

⁶ Ветловская, В. Е.: *Поэтика романа «Братья Карамазовы»*. Ленинград 1977, с. 99.

⁷ Там же, с. 99.

«Я шут коренной, с рождения...» (14, 39) – говорит о себе Федор Павлович, – не спорю, что и дух нечистый, может, во мне заключается, небольшого, впрочем, калибра, поважнее-то другую бы квартиру выбрал...» (14, 39). А мы знаем, что в «Толковом словаре» В. И. Даля слово «шут» является одним из значений слова «черт» (ср. «черт – олицетворение зла, враг рода человеческого, нечистый, черная сила, сатана, дьявол, лукавый... шут»)⁸.

«Вопли Ивана, – замечает В. Е. Ветловская, – по самой сути своей родного сына Федора Павловича, этого шута и безбожника, указывают читателю «квартиру», которую выбрал себе нечистый дух «калибром поважнее». Кстати, этот нечистый дух тоже оказывается в романе шутлом и приживальщиком в своем роде».⁹

Митрополит Антоний видит заслугу Ф. М. Достоевского в том, что он разоблачил в литературе сатану. «Наш писатель сокрушает ту мнимую твердыню, которая удерживала образованных по-европейски людей от усвоения духа Христова и духа народного; он низвел «печального демона, духа изгнания» на положение мелкого беса и предупредил всех богопротивников, что, удаляясь из гордости от Христа и от народа, они обратятся не в лордов Байронов, не в Наполеонов, а в Федора Карамазова или в самого убийцу Ставрогина, который с первого взгляда кажется героем, Богом протеста, а на самом деле оказывается просто развратным хулиганом-скандалистом.

Отъявленный безбожник, Федор Павлович, не имеет себе равных по степени цинизма. Для него нет ничего святого: он может закатить скандал в монастыре, кощунственно заявить: «Черт возьми, что б я после того сделал с тем, кто первый выдумал Бога! Повесить его мало на горькой осине» (14, 124).

По мнению В. Е. Ветловской, Иван совершает сознательное предательство отца и брата. «Иван, как мы видим, – пишет она, – не боялся и не мог бояться, что Катерина Ивановна погубит Митю, потому что он сам (пусть неволью) уверил ее в том, что Митя отцеубийца, и потому, что Иван сам хотел этой гибели и больше чем другие, способствовал этому. Умолчание о Смердякове, неоднократно подчеркнутое затем прокурором, было не только лишней ложью Ивана и не просто ложью, но и преступлением. Иван предал брата, как в свое время, накануне «катастрофы» он предал отца».¹⁰

Можно возразить по поводу неточности такого категоричного утверждения: «умолчание» Ивана о Смердякове не было преднамеренным, ибо Иван и не предполагал, что тот способен на убийство.

Возможно, в последнем разговоре со Смердяковым Иван и уловил в его словах какой-то намек на предстоящие события, но не придал им серьезного значения, так как он вообще «недооценивал» Смердякова и степени его под-

⁸ Даль, В. И.: Толковый словарь в 4 т. Москва 1991, т. 4, с. 597.

⁹ Ветловская, В. Е.: Поэтика романа «Братья Карамазовы». Ленинград 1977, с. 100.

¹⁰ Ветловская, В. Е.: Поэтика романа «Братья Карамазовы». Ленинград 1977, с. 73.

лости. Иван осознает это только в последнем разговоре с лакеем и скажет ему: «Нет, ты не глуп, ты гораздо умней, чем я думал...» (15, 66).

Ивану можно поставить в вину то, что он, уезжая в Москву, заведомо предполагал, что брат Дмитрий убьет отца (Вспомним, как успокаивает он хитроумного Смердякова, якобы напуганного угрозами Дмитрия: «Не убьет он тебя; убьет, да не тебя» (14, 246)). Но тем не менее на вопрос взволнованного Алеши («Что же Дмитрий и отец? Чем это у них кончится?») (14, 211) Иван отвечает: «Да я-то тут что? Сторож я, что ли, моему брату Дмитрию.. Каинов ответ Богу об убитом брате, а? Может быть, ты это думаешь в эту минуту?» (14, 211).

Ответ Ивана, действительно, достоин ответа Господу коварного Каина, убившего своего брата («И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю, разве я сторож брату моему?») (Бытие, IV, 9).

Бесспорно, Достоевский в описании данной ситуации вкладывает библейский смысл: здесь Иван, действительно, предаёт Дмитрия, предоставляя ему полную свободу действий вплоть до преступления. «Один гад съест другого гадину, обоим туда и дорога» (14, 129), – злобно говорит Иван об отце и Дмитрии.

Избрание приема «компрометации» для раскрытия характера Ивана Карамазова явно приводит Ветловскую к односторонней отрицательной трактовке образа героя. На это же указывает и А. М. Буланов, который считает, «что философско-историческая концепция Ивана Карамазова и само ценностное ядро его образа гораздо сложнее того зауженного и явно одностороннего толкования, которое дано В. Е. Ветловской».¹¹

Также Ветловская пишет: «У Ивана нет «смягчающих обстоятельств», которые могли бы облегчить его вину в глазах читателя. Ничто не требовало присутствия Ивана в Москве, когда он бросает «сторожить» Митю и «защищать» отца. Ничто не заставляло его, кроме слова, данного убийце, умалчивать о фактах, которые могли бы спасти его брата. Ненависть и презрение руководят поступками Ивана по отношению к отцу и брату».¹²

И здесь исследователь очень субъективен в своей оценке: Иван не давал Смердякову никаких слов и обещаний. И едва ли есть смысл упрекать Ивана в нелюбви к Федору Павловичу и брату Дмитрию.

«Можно, конечно, обвинять Ивана в человеконенавистничестве, – пишет Ю. Г. Кудрявцев. – Однако это не так. Иван просто хочет «мысль разрешить», и о природе человека, в частности. Он слишком много видел мерзостей (хотя бы у отца), чтобы просто затвердить слова о величии человека».¹³

¹¹ Буланов, А. М.: Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Ф. М. Достоевского. В: Достоевский. Материалы и исследования. Ленинград 1991, т. 9, с. 140.

¹² Ветловская, В. Е.: Поэтика романа «Братья Карамазовы». Ленинград 1977, с. 74–75.

¹³ Кудрявцев, Ю. Г.: Бунт или религия (О мировоззрении Ф. М. Достоевского). Москва 1969, с. 181.

Также многое в этой ситуации проясняет отношение к детям самого Федора Павловича, который откровенничает с Алешей: «Да я Ивана не признаю совсем. Откуда такой появился? Не наша совсем душа... А Митьку я раздавлю как таракана. Я черных тараканов ночью туфлей давлю: так и щелкнет, как наступишь. Щелкнет и Митька твой» (14, 159).

Безусловно, Иван виноват в своих тайных помыслах против отца, ибо, согласно евангельской этике (Вспомним: «...всякий гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф., V, 22), даже мысль о грехе становится преступлением. Только Алеше открывает Иван свои тайные мысли. На его вопрос («Неужели имеет право всякий человек решать, смотря на остальных людей: кто из них достоин жить и кто более недостоин?») (14, 131) Иван отвечает: «К чему же тут вмешивать решение по достоинству? Этот вопрос всего чаще решается в сердцах людей совсем не на основании достоинств, а по другим причинам, гораздо более натуральным. А насчет права, так кто же не имеет права желать?» (14, 131) «Знай, – говорит Иван Алеше, – что я его всегда защищу. Но в желаниях моих я оставлю за собою в данном случае полный простор. Не осуждай и не смотри на меня как на злодея...» (14,132) Но как оказывается теперь, мысли старика нисколько не чище мыслей его сына.

Об искреннем неведении Ивана в его причастности к убийству отца свидетельствует его реакция на слова Алеши, который говорит ему: «Я одно только знаю... Убил отца *не ты*» (15, 40). И здесь впервые у Ивана рождается какая-то догадка, что и он повинен в смерти отца. Иван впервые задумывается о том, как «еще в вагоне, летя из Москвы, он все думал про Смердякова и про последний разговор с ним вечером накануне отъезда. Многие смущало его, многое казалось подозрительным» (15, 42). Мучимый неясными сомнениями, Иван отправляется к Смердякову. Какие-то намеки и недомолвки Смердякова тревожат Ивана, но после первой беседы с ним Иван укрепляется в мысли, что убийство совершил Дмитрий. «...Я тебя вовсе не подозреваю и даже считаю смешным обвинять... напротив, благодарен тебе, что ты меня успокоил» (15, 47), – говорит он Смердякову на прощанье.

В черновом варианте романа, в сцене «Иван и Смердяков» Иван заведомо осознавал свою причастность к убийству (Ср.: «Ночью после разговора со Смердяковым. Сначала: «Он смеялся надо мной. Да смеялся». А потом ночью вскакивает: «Уж не полагает ли, мерзавец, что мне приятно будет, что убьют отца? Да, это именно полагает!» (15, 240). Да и как уже было сказано выше, в рукописях Иван был обозначен как «убийца». Таким образом, в черновых редакциях романа путь Ивана к преступлению вырисовывается четче. В окончательном тексте романа Иван остается в неведении до последнего разговора со Смердяковым, который говорит ему: «Вы убили, вы главный убивец и есть, а я только» вашим приспешником был, слугой Личардой верным, и по слову вашему дело это и совершил» (15, 59)

Именно с этой беседы со Смердяковым начинается путь Ивана к подвигу. Здесь, подняв руку вверх и призывая Бога и свидетели, Иван говорит Смердякову: «Бог видит, может быть, и я был виновен, может быть, действительно я

имел тайное желание, чтоб... умер отец, но клянусь тебе, я не столь был виновен, как ты думаешь, и, может быть, не подбивал тебя вовсе. Нет, нет, не подбивал!.. И что бы ты ни говорил на суде, что бы ты ни свидетельствовал – принимаю и не боюсь тебя; сам все подтвержу! Но и ты должен перед судом сознаться! Должен, должен, вместе пойдем! Так и будет!» Авторская ремарка («Иван проговорил это торжественно и энергично, и видно было уже по одному сверкающему взгляду его, что так и будет» (15, 67) подтверждает решимость Ивана показать на себя и свидетельствует о мужестве и неутраченном чувстве чести героя.

Сравнение фрагмента из черновой редакции (где Иван называется «убийцей») и где он заведомо знает о готовящемся убийстве отца) с примерами из дефинитивного текста (где обнаруживается искреннее неведение Ивана в своей причастности к преступлению) свидетельствует о том, как в процессе работы автора над романом усложняется образ Ивана и увеличивается идейно-философская нагрузка на него, как возрастает нравственный потенциал героя.

Возвращаясь домой, Иван поднимает уже почти замерзшего, «поверженно-го им мужичонку» по пути к Смердякову и тащит его на себе в частный дом, спасая от неминуемой гибели.

На суде Иван предъявляет деньги, переданные ему Смердяковым и, как обещал, показывает на себя и Смердякова: «Убил отца он, а не брат. Он убил, а я его научил убить...» (15, 117). У Ивана начинается белая горячка, его выносят из зала суда.

«Самое страшное унижение для гордости Ивана Карамазова, – считает Н. О. Лосский, – заключалось в том, что в Смердякове он нашел карикатурное изображение самого себя. Смердяков – воплощение последовательного развития «просвещенства» (Aufklärung), ведущее к плоскому рационализму». ¹⁴

Если Иван мучится сомнениями по поводу существования Бога и мира им созданного, по поводу абсолютного добра и бессмертия, то Смердяков вообще не приемлет никаких категорий высшего порядка, а руководствуется лишь соображениями целесообразности и личного благополучия. Но именно Иван с его глубоким, изощренным умом становится идейным вдохновителем отцеубийства. «Вся психология отцеубийства в «Братьях Карамазовых», – справедливо замечает Н. А. Бердяев, – имеет очень глубокий, сокровенный, символический смысл. Путь безбожного своеволия человека должен вести к отцеубийству, к отрицанию отечества. Революция всегда ведь есть отцеубийство. Путь своеволия, путь, отвергающий благоговение перед сверхчеловеческим, должен привести к тому, что подымается образ Смердякова. Смердяков и есть страшная кара, подстерегающая человека. Страшная, безобразная карикатура Смердякова стоит

¹⁴ Лосский, Н. О.: Достоевский и его христианское миропонимание. Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк 1953, с. 255.

в конце этих стремлений к человекобожеству. Смердяков победит на этом пути».¹⁵

Смердяков кончает жизнь самоубийством, так как его низкой и подлой душе никогда не суждено возродиться. Другое дело – Иван, у которого недоверие к церкви и Богу сочетается с любовью к добру и справедливости, а также с необыкновенной жадой жизни. «Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого глубокое небо, дорог иной человек, которого иной раз, поверишь ли, не знаешь, за что и любишь, дорог иной подвиг человеческий, в который давно уже, может быть, перестал и верить, все-таки по старой памяти чтить его сердцем» (14, 209-210). Этот монолог героя – свидетельство того, что сердце его содержит могучие импульсы для возрождения.

Духовное возрождение героя должно состояться, ибо ему, по мнению Н. О. Лосского, присущи «муки совести»; старец Зосима видит в нем «сердце высшее» и благословляет его на решение вопроса о бытии Бога, о бессмертии души. Залог возрождения героя и в его желании решить мучающие его вопросы (и решить положительно): с «необъяснимой улыбкой на лице» он напряженно ждет ответ от старца на свой вопрос: «А может ли быть он во мне решен? Решен в пользу положительную?» (14, 65). Надежду на возрождение героя и содержит в себе ответ старца: «Если не может решиться в положительную то н и к о г д а н е р е ш и т с я (разрядка моя – Н. П.) и в отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука его» (14, 65). И только те герои Достоевского могут возродиться, на лице которых хоть изредка, хоть однажды появляется детская улыбка (Ср. «детская улыбка» Родиона Раскольникова. См. 2-ю главу).

Глубокая, неподдельная искренность и братская нежность слышатся в словах Ивана, обращенных к Алеше. «Братишка, ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть с твоего устоя, я, может быть, себя хотел исцелить тобою, – улыбнулся вдруг Иван, совсем как маленький кроткий мальчик» (14, 215). Авторские слова («Никогда еще Алеша не видал у него такой улыбки» (14, 215) как бы подчеркивают значимость этой детали в раскрытии образа героя. Детская, кроткая улыбка как бы на миг высвечивает добрую душу героя и его какую-то детскую незащищенность, поэтому хочется верить, что возрождение героя состоится, а «испытание соблазнами гордости» станет «последней ступенью очищения сердца» на пути к Царству Божию».¹⁶

¹⁵ Бердяев, Н. А.: Мирозозерцание Достоевского. В: Бердяев, Н. А.: Философия творчества, культуры, искусства. Москва 1994, с. 69.

¹⁶ Лосский, Н. О.: Достоевский и его христианское миропонимание. Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк 1953, с. 259.